

СЛОВО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ БОЛЬШОЙ ЛОМОНОСОВСКОЙ МЕДАЛИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Высокоуважаемый Президент Академии! Высокоуважаемые члены Академии Наук!

Я глубоко тронут и более чем польщён такой высокой наградой от Российской Академии Наук — с никогда не меркнущим для нас именем Ломоносова.

Ещё гораздо более того я смущён, что эта награда настигает меня, новичка, здесь, при столь блистательном корпусе заслуженных учёных, достойных её ранее и более меня.

* * *

Я вырос в сознании, что писатель не смеет отдаться полностью своим художественным прихотям. Что рано или поздно он должен послужить своему народному сообществу, своему Отечеству.

Рано или поздно. А после выжигающих, истребительных наших десятилетий — даже чем раньше, тем лучше. Десятилетиями в нашей стране выборочно уничтожался высший интеллектуально-духовный слой, особенно в гуманитарной и общественной области, уничтожались потенциально самые активные люди, способные к разумной деятельности. И, думал я, у кого есть силы — должны заменить истреблённых, даже выходя за контуры своей профессиональной деятельности и своего жизненного плана. Поэтому, но и по общественной страсти, я, едва начав публичный литературный путь, вынужден был много сил переложить на борьбу за общественную справедливость, в противостояние жестокому политическому режиму.

* * *

Но даже и более того я сознавал свой долг — и испытывал страсть — раскопать и осветить завалы нашей недавней истории, мучительно переживал явную лживость официальных версий. Так, со своих 18 лет и далее чем за 70 главным делом своей жизни я видел: написать литературную историю Российской революции Семнадцатого года.

Естественно, я начинал работу ещё безо всякой явной концепции. Долго двигался на ощупь, также и по ошибочным путям. Я приходил к осознанию истинного движения тех событий — в ходе самой работы над материалом, хлынувшим на меня морем фактов.

Это путь нелёгкий. И посегодняя множество наших соотечественников, а тем более западных людей, считают исходным толчком к российским бедам — Октябрьский переворот, а не Февральскую революцию, как было на самом деле.

Наблюдателя-потомка сердечно поражает то нетерпящее бескрайнее раздражение, та озлобленная непримиримость, которые разгорелись в образованном и многопартийном обществе по отношению ко многовековой российской исторической власти, с близорукой решимостью смести её прочь — даже во время великой войны и при полном безучастии народного большинства. И в Феврале Семнадцатого эта пружина разжалась и ударила, — дальше представаясь сплетением кратких мелких случайностей, — ударила, сотрясением в несколько дней заменив желанный, возможный и уже тогда равномерно осуществлявшийся спокойный эволюционный путь.

Касаясь исторического материала, художественная работа ещё более усиливает личную ответственность писателя — до ответственности уже строго научной: эти глыбы событий не только не могут быть использованы как опорные площадки для авторских фантазий, но требуют археологической почтительности при раскапывании, при рассматривании их вплотную.

Такая колоссальная раскопочная работа, никак бы не достижимая мне в советских условиях, широко распахнулась после высылки на Запад. Там стали мне доступны и богатые русские архивы Соединённых Штатов, и вся печатность дореволюционная и русской эмиграции. Если при работе над «Архипелагом ГУЛагом» я обладал лишь малым числом

Сохранена орфография оригинала. *Прим. ред.*

документов и вынужден был опереться главным образом на свой жизненный опыт и живые свидетельства очевидцев, — то теперь эти свидетельства ещё не умерших современников революции, тоже нескольких сотен, были лишь ярким, телесным дополнением к документальным материалам.

А по мере того как я вступал в смятенный вихрь событий, в котором Россия пала за 8 месяцев, — я проникался всё большей тревогой, что — и по повторности взглядов нашего образованного общества, не обогатившихся от колеи начала века, и по существенным свойствам нашего народа, покорно приемлющего любую возню на государственном верху, — этот вихрь может снова повториться в России, в какой-то другой вариантной форме настигнуть её на ожидаемом выходе — теперь уже из коммунизма. Конечно, формы проявления событий будут совсем другие, но неизбежно повторится тот же инвариант: резкий перепад давления, ничем не контролируемый переход от стянутости обручами к полнейшей и сразу безответственной свободе, — и он быстро поведёт к разрушительным событиям, хотя и проявятся они совсем при другой житейской и экономической обстановке, в других социальных слоях, при других конкретных условиях.

И в конце 70-х годов, ещё далеко до окончания «Красного Колеса», по ограниченным возможностям русскоязычной передачи Би-Би-Си, я пытался донести эти предупреждения до соотечественников. Однако та одиночная попытка, конечно, не могла повлиять на близкий уже ход событий, начавшийся с середины 80-х.

Начавшийся — и сразу же по самому неразумному пути, упусти все целительные. А с начала 90-х годов Россию швырнули рывком в опрометчивое, безоглядное, ещё по-новому и по-новому разрушительное сползание.

Когда «Красное Колесо» стали публиковать на родине в середине 90-х, ограниченным тиражом, — тем более поздно было донести до кого-то наш бесплодно потерянный исторический опыт. Реальное новое Колесо, только цвета Жёлтого, уже пожирало Россию.

Нынешнее падение России длится не месяцы, нет, вот уже второе десятилетие, — так тем опаснее и долговременнее могут быть материальные, демографические и нравственные последствия. Тем трудней — найти и осуществить созидательный выход из этого хаоса, безвозбранно усугубляемого высокопоставленным грабительством.

А многие те уроки Семнадцатого года крайне бы нужны российским деятелям наступивших сейчас критических годов — да упущены ими нацело.

* * *

Другим моим многолетним занятием, плотно прилегающим к писательской работе, но отдельным от неё, было: как бы лексическое рещупывание всего русского языка — по словообразованиям, по морфемам.

Процесс эволюции всякого языка течёт постоянно: что-то постепенно теряется, что-то приобретает. Но крупная социальная революция — приводит в ненормальное, болезненное сотрясение также и весь язык, в опасных пределах.

Так и русский язык от потрясений XX века — болезненно покорёжился, испытал коррозию, быстро оскудел, сузился потерей своих неповторимых красок и соков, своей гибкости и глубины.

А с разложения языка начинается и им сопровождается разложение культуры. Это — и символичное, и духовно опаснейшее повреждение.

Лексическое обеднение русского языка сейчас таково, что слова, естественно составленные из известных корней, приставок, суффиксов, — вдруг вызывают полное недоумение как некое экстравагантное словотворчество. И всё более теряются энергичные краткие отглагольные существительные, особенно мужского рода, язык слабеет в вялых отглагольных среднего рода, а то ещё и с суффиксами иноязычной природы.

По мере сил я противился этому оскудительному процессу в моей литературной работе. И, отдельно от неё, ещё треть века занимался составлением «Русского словаря языкового расширения» (до 40 тысяч слов); он опубликован на родине с моим возвратом. В этом словаре я старался выявить и продемонстрировать на десятках тысяч примеров ещё спасаемые несравненные яркость, свободу и сцепчивую подвижность нашего языка в различных грамматических сочетаниях.

Другая нынешняя порча языка — в том, что он замусоривается множеством англоязычных слов, большей частью безнадобных, дубликатных, вместо пренебрегаемых русских. Правда, в этом последнем пункте нельзя считать надежду потерянной: например, в послепетровскую, в елизаветинскую пору письменный язык был затоплен обилием немецко-голландских, также безнадобных, заимствований — а со временем они схлынули, как пена. Но тогда был здоров, невредим сам стержень нашего живого языка — не как сегодня.

Ставят в пример Францию: там введён закон о сохранении языка. И нам бы так? Но в нашей ли, кругом разорённой, жизни? Тот закон — и в размеренной французской соблюдается слабо, принят

инертно, — лишнее свидетельство упадка и всей мировой культуры.

Небесспорным представляется и утвердившийся у нас стандарт грамматических правил. Я печатал предложения по некоторой частичной коррекции их.

* * *

Академическую среду ранее другого обособленно заботят верхние слои образовательной пирамиды — спасение высшей школы в разоряемой стране. Именно успехи высшей школы становятся сегодня ключом к устоянию или неустоянию всей России как влиятельного государства. И не только в численности добротного образованных людей, и не только в высоте частно-прикладных знаний, но и в обширности общего кругозора их мировоззрения: лишь в такой среде могут вырастать фундаментальные идеи науки.

Чем выше по шкале и чем тоньше по структуре образование — тем губительнее отзывается на нём нынешнее едва-едва управляемое состояние страны. Ещё никогда за три века своего существования на Руси наука не была покинута в таком пренебрежении и даже нищете.

Бесоголтелой коммерции внедрён как верховная идеология. К тому же: в ходе так называемых реформ 92–94-го годов системой путаных указов, неясных законов, недомолвок и частных благоволений — в России создана юридическая обстановка полного беззакония, так что крупному расхитителю нельзя предъявить даже чёткого обвинения: «закон» даёт ему невозбранный простор. В такой дикости — бескорыстной науке делать нечего.

В атмосфере, когда воровство проросло всю государственную систему, имеющих власть и откормленных ими финансовых магнатов, когда оно в своих размерах превышает государственный бюджет, — эта гнусная дыхательная среда нисходит от вершин и ниже, как бы рекомендована и высшей школе. Ректоров высших учебных заведений обстоятельства принуждают к коммерческим же изворотам. Коммерциальность высшего образования толкает

к коррумпированию и его. Очень по-разному — кто недостойно, а кто весьма достойно — справляются с нею администраторы науки. Время нынешнее не отмечает, не венчает достойных. Однако каждый делающий знает сам, перед совестью, полноту и чистоту совершённого.

Одно из судорожных усилий — введение платности высшего образования и даже отдельных его элементов. В нашей действительности такая система выявляет себя как показная для студентов имущих и преградная для неимущих. Образование несёт уроны с обоих концов: одни теряют к учёному — импульс, другие, талантливые, — возможность. — А ведь не менее ищущих, устремлённых студентов — в их образовании заинтересовано разумное бы государство.

Ветшает научно-техническое и лабораторное оборудование вузов, а на новое нет средств. Стареет профессорский состав, не находя себе свежей замены и опоры в среднем учебном персонале — при нынешних плачевных финансовых условиях. А научные работники, не имеющие преподавания, бедствуют и горше.

И можно только поклониться стойкости всех их — не покидающих своих научных постов, не уезжающих за границу, даже кто и обсыпан такими приглашениями: они мужественно сохраняют ещё не рухнувший интеллект России, не обедняя его своим отъездом; на плечах своих несут всё растущую нагрузку, читают лекции в стеснённых аудиториях, лекции, обрубленные по длине учебного часа. Однако ж и никак не падающие вступительные конкурсы, настойчивая тяга студентов к знаниям через голод, холод и нужду, — поддерживают и профессоров в их жизненном и научном подвиге.

Да ведь и для уехавших учёных — отнюдь не для всех то исполнение золотой мечты. Для кого — и горькое томление без родной научной среды, в какой выросли, жили и товарищески обсуждали научные идеи ещё в ходе разработки их.

* * *

Многие вузы прямо интегрированы в академическую систему. Но на Академии Наук лежит и высшее послевузовское образование — тысячи аспирантов и тысячная докторантура. — Академия! В мутном вихре невежественно мальчишеских или откровенно грабительских лжереформ начала 90-х — уже намеченная, едва ли не обречённая к роспуску; в те же годы надменно теснимая самоявленными «аналитическими центрами», «консультативными ассоциациями», «институтами переходных проблем», рвущимися показать правительству и обществу *несомненно верную* дорогу страны; затем охлёстанная рекламными вспышками поспешливой лженауки; ещё и урезанная в финансировании от 1990 года — в 10–8 раз, — Российская Академия Наук, можно думать, уже перестояла самый худший период. И надо восхититься мужеством российских учёных — в этой сумбурной круговерти, в эти годы смрадной общественной атмосферы выстоявших вопреки всем материальным бедствиям и унижениям. Не только по сумме и по пикам блестящих научных результатов, удивительным образом не гаснувших в нашей загубляемой стране, но прочным поддержанием самого *духа* Высокой Науки.

Так, Российская Академия Наук — через многие царствования, преобразования, революции, войны, смены политических систем, попытки разгона в раннесоветское время, наскоки властных невежд, волны арестов, тюремных гибелей — стойко прошла уже 275 лет, служа России. Но если, в самом начале того пути, Пётр Первый задумал и создал Академию как мозговой центр России на долгое будущее, — сегодняшний политический режим, в годы сложнейших, упускаемых государственных задач, самоуверенно не прибегает к широкому спектру научных экспертиз Академии по труднейшим проблемам. Те решаются беглыми кабинетными совещаниями череды быстропеременчивых и потому безответственных лиц.

Уже несколько лет назад мне довелось горько выслушивать и в Дальневосточном, и Сибирском отделениях Академии жалобы на то, как устраняются властями наши учёные от решения важнейших вопросов.

А кому доступно — зорче провидеть наидальние перспективы, если не Академии Наук?

* * *

Но, говоря о высшей науке, не можем мы забыть, что будущее её и в том, насколько с годами успешно встроится в неё таланты нынешней юности. Высшее образование утверждается и на фундаменте образования среднего. Не могу коротко не отвлечь уважаемую аудиторию и к этой большой теме.

Всё слабеющее, хрупкое прозябание наших школ — самих зданий, и школьных пособий, и всеизвестная бедность учителей, заброшенных государством, обрыв их культурных возможностей — вот уже и десять лет, полный школьный срок, толкают народное просвещение превратиться в массовое воспроизводство невежества. Добавим сюда — нет, вычтем отсюда — запредельную тощесть нынешних провинциальных, мелких и сельских, библиотек, многими годами не пополняемых ничем плодотворным, — как будто не бывало позади никакой предшествующей русской культуры. Какова же база для развития молодёжи?

При такой подорванности среднего образования — долго ли удержатся вершины науки?

Особо отмечу: суетливые реформаторы нашей средней школы уже не раз предлагали сократить учебные часы по русскому языку или даже вовсе убрать его из расписания, например, слить с часами русской литературы (также сокращаемыми). Вытеснить русский язык! — когда он и без наших усилий изживаетея в отделившихся республиках для миллионов отмежёванных русских детей: да насильственно сжимается и в школах автономий. Сдавливаетея израненный русский язык и петлёй географической, и петлёй образовательной — значит тянуть его к вырождению, а то и полному исчезновению.

Удивительно, но сокращаются и математические предметы, программы по ним уменьшаются или грубо упрощаются подражательным переёмом скороспешных и сомнительных новаций, отклоняясь от высоких традиций российской математической школы. Этим не только расшатываются пути во многие технические науки, но снижается

и общая математическая подготовленность нашего общества, падает его элементарная логическая грамотность, что подрывает в людях даже и навыки чёткого мышления.

В не меньшей опасности в средних школах сегодня находится и преподавание отечественной истории. Полная смена государственной и общественной обстановки в России естественно потребовала радикального обновления учебников по истории. С этой задачей справились только редкие авторы, и лишь частично. В объёме одной и той же обложки находим дичайшую перемесь восстановленных реальных фактов (далеко не всех) — и легковесных оценок, неосновательных трактовок. А, словами программ, «гуманитарные ценности европейской цивилизации» — вставлены в формах весьма радикальных и однобоких.

Временные «переходные» учебники при суматохе вариантных программ — только ещё больше раздёргивают учеников. А денежно обеспеченные иностранные источники — фонды или секты — с готовностью берутся освещать, толковать нам русскую историю, быстро изготавливают свои учебники или шукарские учебные пособия, — и Министерство образования с захватной поспешностью визирует такие для школ, не пропустив через взвешенную научную экспертизу. В некоторых же учебниках и программах из отечественной истории изымаются нынешние страны СНГ, как если бы их вовсе не было в истории России. Появляются и региональные учебники, знаменуя дальнейший разрыв единого учебного пространства России.

Среди промелькнувших недавно проектов школьной реформы не случайно были и такие, цель которых сводилась всего лишь: как облегчить государству содержание школ — через приватизацию? или так называемые образовательные ваучеры? платность среднего образования? Всё новые миллионы подростков вообще не кончают школьного курса, лишаются общего среднего образования, часть их аврально вытягивается через профтехучилища.

Тем сложнее эта активно обсуждаемая школьная реформа, что должна совер-

шиться при растерянном, разбродном, культурно разорванном в клочья состоянии России, уже прямо угрожающем распадом страны. При всём этом — как сохранить, не дать разъять единство образовательной системы? И не растерять достоинств незаурядной русской педагогики — и сообразовать обучение с современными требованиями интенсивности, с современной технической действительностью.

* * *

Однако при всей важности *образования* юношества ещё острее и отчаянней высится задача его *воспитания*. При провале воспитания даже самая удачливая образованность может создать лишь бесчеловечное общество. Даже нахватавшись авангарднейшего образования, но с порченными душами — нам не выбраться из ямы.

А ныне воспитание учащихся напряжено и усложнено тем, что всё общество прошло через психологическое сотрясение, слом нравственных ориентиров, традиционного уклада представлений, — и само общество служит для юношества, и даже для детства, наихудшим образцом. С каким лицом воспитателю толковать малышам о добре и честности, когда уже и детские глаза видят, хоть не так охватно, как взрослые: что ни справедливости, ни защиты и никаких себе прав не жди; что народное достояние бесстыдно разворовывается и именно эти разворовщики торжествуют; что ученье — не свет, а горькая нужда, готовь себя лучше в воры.

Обвальная нищета десятков миллионов семей лишает и изнеможенных родителей сил и времени для достойного воспитания своих детей — и ответственность школы в том возрастает сверх нормальной пропорции. Тысячи детей уходят из семей, от других тысяч отказываются родители, буйно растёт детская преступность, а отмечено статистикой и немалое число детских самоубийств.

Обледелено тремя слоями сердце — от того, что делается ныне с нашим юношеством и средней школой.

Здоровая же часть молодёжи, которая не приняла распушенности, пытается про-

тивостоять ей, — получает в том слабую помощь, и не всегда. — А тающая сельская молодёжь? — Она и вовсе отстранена от культуры, от надёжных путей развития.

И на такой народной базе — расти, расти, Большая Наука!

* * *

В условиях уникального в человеческой истории пиратского государства под демократическим флагом, когда заботы власти — лишь о самой власти, а не о стране и населяющем её народе; когда национальное богатство ушло на обогащение правящей олигархии из неперечислимых кадров властей верховной, законодательной, исполнительной и судебной, — в этих условиях трудно взяться за утешительный прогноз для России. Но во всяком случае решение следует искать глубже уровней экономического, политического и даже социального.

Народное наше несчастье, что мы, в массе, легко поддаёмся залётным обещательным лозунгам: то нас спасёт светлый коммунизм, то нас спасёт светлый капитализм, — и каждый раз попадаем в капкан и предорого платим за нашу доверчивость.

Всякая подражательность — порочна. Прослеживая исторический опыт основных стран Запада и долгоустойчивых стран Востока, мы убеждаемся, что каждая из них вырабатывала свой самобытный путь и проделывала его собранностью внутренних сил, не копировала соседей. А ведь интеллектуальные ресурсы нашего народа — изобильны, они сравнимы с природным несметным многообразием нашей земли. И мы — ищем подражания?

Мы нуждаемся снова высветить наш внутренний мир, восстановить обрушенную систему наших духовных ценностей, над которыми сегодня бездумчиво глумятся эфирно-газетные средства. Мы нуждаемся в зрении на большую даль вперёд.

Никакая изобретательность технологического предпринимательства не заменит нам длительного дара уже накопленной культуры. Культура же несёт в себе и упругое сопротивление всем видам обезчеловечения: от снижения наших нравственных мерок, от погружения в суетливое потребительство — и до превращения людей в техногенные существа.

К счастью, многим нашим молодым людям свойственен талантливый порыв к новым уровням качества. Российская наука в сочетании с нашей традиционно богатой культурой представляют собой не только страну Россию, но одно из виднейших русл мировой умственно-духовной жизни. Я тут не употребил слова «цивилизация» из-за двойственности его: внешняя ли это предметность достижений или многосотлетняя органическая традиция. — Говоря во втором смысле: Россия и сегодня являет собой одну из крупных мировых цивилизаций. И несёт в себе свои собственные спасительные задатки. Потенциальные возможности России значительно превосходят её нынешние материальные и геополитические обстоятельства.

Удалось бы только срastить в живую ткань здоровые творческие силы.

Александр Солженицын
Москва. 2 июня 1999 г.